

ЖЮЛЬЕН
САНДРЕЛЬ
Комната
чудес

CoRpus

Чудеса бывают!
Не успев выйти во Франции,
эта книга покорила 20 стран.

GALMANN-LÉVY

Жюльен Сандрель

Комната чудес

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Сандрель Ж.

Комната чудес / Ж. Сандрель — «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-109417-1

«Комната чудес» – яркий дебют талантливого французского писателя Жюльена Сандреля. Роман вызвал ажиотаж на Франкфуртской книжной ярмарке: не успев выйти во Франции, он привлек внимание издателей из двадцати стран. Тельма – директор по маркетингу в крупной косметической компании, и карьера для нее важнее всего. Но однажды случается беда – ее двенадцатилетнего сына сбивает на улице грузовик. Мальчик в коме, врачи полагают, что он обречен, и через месяц, если он не очнется, собираются отключить его от аппарата жизнеобеспечения. Однако Тельма чувствует, что он все слышит и что надежда есть. И она принимает решение: пробудить сына к жизни, исполняя вместо него его мечты и включая ему потом запись с экшн-камеры. Ей предстоит перейти с закрытыми глазами перекресток в Токио, сыграть в футбол в его команде, потрогать грудь математички... И это еще далеко не все. Роман стал бестселлером, получил Приз читательских симпатий 2019 года за карманное издание и Премию лицеистов Медитерране-2019. Готовится его экранизация.

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-109417-1

© Сандрель Ж., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

I. Мой король	7
Глава 1	7
Однажды утром	11
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Жюльен Сандрель

Комната чудес

© Calmann-Lévy, 2018

© М. Троицкая, перевод на русский язык, 2020

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Издательство CORPUS ®

* * *

Этот дебютный роман, не успев выйти из печати, привлек внимание издателей по всему миру. Книга стала сенсацией и бестселлером. В основе сюжета безумные приключения молодой женщины, которая пытается вывести из комы сына-подростка, исполняя вместо него его мечты и включая ему потом запись с экшн-камеры. Ей предстоит перейти с закрытыми глазами перекресток в Токио, сыграть в футбол в его команде, потрогать грудь математички... И это еще далеко не все.

* * *

Причину повального увлечения этой книгой легко понять: это оригинальный замысел и его отличное воплощение, позитивное и эмоциональное.

ELLE

Потрясающе! Эта «Комната чудес» – маленький шедевр.
FEMME ACTUELLE

Роман сам просто чудо!
Трогательный, волнующий и увлекательный.
SUD-OUEST

Эта книга заставит вас плакать от счастья.

RTL

Чудеса бывают!

Не успев выйти во Франции, эта книга покорила 20 стран.

GALMANN-LÉVY

* * *

Матильде, моему сыну и моей дочери

So, tell me something, Miss Thelma. How is it you ain't got any kids? I mean God gets you something special, I think you oughta pass it on¹.

Ридли Скотт

«Тельма и Луиза»

¹ Вы мне вот что объясните, мисс Тельма. Как так вышло, что у вас детей нет? Я вот о чем: раз уж Господь дает тебе что-то особенное, по-моему, ты просто обязан передать это дальше (*англ.*).

І. Мой король

Глава 1

10.32

– Луи, пора вставать! Ты меня слышишь? Сколько можно повторять? Вставай и одевайся, а то опоздаем! Уже двадцать минут десятого.

Примерно так начался день, ставший самым ужасным в моей жизни. Я этого еще не знала, но в 10.32 седьмого января 2017 года мое существование раскололось на две части – одна до, вторая после. Со мной навсегда останется это *до*, та предшествующая минута, которой я хотела бы приказать замереть навечно – с ее улыбками, с мимолетным счастьем, с картинками, застывшими в закоулках моей памяти. И навсегда со мной останется *после* – с бесконечными «почему» и «если бы только», со слезами и криками, с дорожкой тушью, растекшейся у меня по щекам, с воем сирен, с отвратительно сочувственными взглядами, с произвольным спазмом желудка, отказывающегося признавать случившееся. Разумеется, все это было мне тогда неведомо; только боги, если они существуют, в чем я сильно сомневаюсь, могли знать, что будет. О чем же эти божества говорили между собой в 9.20? Одним больше, одним меньше – какая разница? Ты уверен? Не очень, но почему бы и нет? И правда, почему нет – судеб мира это не изменит. Я была от всего этого далека – далека от богов и от собственного сердца. В тот миг, максимально близкий к расколу, к катастрофе, к точке невозврата, я была собой. Просто собой, и я на чем свет стоит костерила Луи.

Этот ребенок сведет меня с ума, повторяла я себе. Я уже полчаса пыталась вытащить его из постели, но ничего не помогало. В полдень мы договорились встретиться с моей матерью за бранчем – это моя ежемесячная голгофа, – но до того я хотела успеть заскочить на бульвар Османн и купить себе кроваво-красные лодочки: я запала на них с того дня, когда бутик объявил о распродаже. Я мечтала, что надену их в понедельник, на совещание, где будет присутствовать сам Биг Босс «Эжемони» – косметического холдинга, на который я последние пятнадцать лет пахала с утра до ночи. Я руководила командой из двадцати человек, всей душой преданных благородному делу рекламы. Мы разработали новую упаковку для марки шампуня, способного уничтожить до 100 % перхоти: «до 100 %» в данном случае означало, что у одной из двухсот женщин, согласившихся протестировать шампунь, в гриве не осталось ни единой чешуйки. Предметом моей особой гордости тогда служил тот факт, что после жестокой схватки с юридическим отделом «Эжемони» мне удалось добиться права использовать эту формулировку. Она оказала решающее влияние на рост продаж, прибавку к моей зарплате, возможность летом съездить с Луи в отпуск и купить себе новые туфли.

Недовольно бурча, Луи наконец соизволил подняться, натянул слишком узкие джинсы со слишком низкой талией, плеснул себе в лицо водой, не меньше пяти минут старательно лохматил перед зеркалом волосы, отказался надевать шапку, хотя в то утро на улице стоял собачий холод, выдал пару нечленораздельных реплик, содержание которых я знала наизусть («Мне-то зачем с тобой идти» и т. п.), нацепил солнечные очки, подхватил под мышку скейтборд – грязную доску, изрисованную граффити и требовавшую от меня покупки новых колес не реже двух раз в неделю, влез в суперлегкий красный пуховик *Uniqlo*, сунул в карман пачку печенья с шоколадной начинкой, на ходу заглотал банку фруктового пюре (как будто ему пять лет!) и наконец вызвал лифт. Я бросила взгляд на часы. 10.21. Отлично. Еще есть время реализовать мой тщательно продуманный план. Я все рассчитала с запасом, потому что утренний подъем Его Величества Луи – это уравнение со многими неизвестными.

Погода стояла прекрасная. В голубом зимнем небе – ни облачка. Я всегда любила холодный свет. Самое чистое голубое небо я видела в Москве, когда ездила туда в командировку. Российская столица для меня – идеал зимнего неба. Париж в тот день принарядился по-московски и как будто радостно нам подмигивал. Мы с Луи вышли из нашего дома в 10-м округе и двинулись вдоль канала Сен-Мартен в сторону Восточного вокзала, лавируя между прогуливающимися семьями с детьми и туристами, глазающими, как баржа минует шлюз под мостом Эжена Варлена. Я следила глазами за Луи, который катился впереди меня на доске, и чувствовала гордость за мальчишку, понимая, что он постепенно становится мужчиной. Мне следовало сказать ему об этом: подобные мысли для того и существуют, чтобы быть выраженными вслух, иначе зачем они. Но я этого не сделала. В последнее время Луи очень изменился. В результате стремительного роста, свойственного его возрасту, он из хрупкого ребенка превращался в довольно высокого подростка; на его все еще пухлых и пока лишенных прыщей щеках пробивалась первая растительность. Уже можно было догадаться, что из него получится настоящий красавчик.

Все это происходило слишком быстро. Я вдруг вспомнила, как шла по набережной Вальми, правой рукой толкая перед собой темно-синюю коляску, а в левой держа мобильный телефон. Кажется, воспоминание вызвало у меня улыбку. Или я выдумала это уже задним числом? Память меня подводит; мне трудно точно сказать, о чем я думала в те мгновения, еще не зная, насколько они важны. Если бы только я могла вернуться назад хоть на пару минут, я была бы внимательнее. Если бы я могла вернуться назад на несколько месяцев и лет, я многое изменила бы.

Раздались последние такты песни Уикнда – Луи установил эту мелодию мне на смартфон. Жан-Пьер, наш ЖЭПэ. Черт бы его побрал! С какой стати начальник звонит мне в субботу утром? Разумеется, такое уже бывало, и не раз: если работаешь в компании вроде «Эжемони», приходится быть готовой к тому, что тебя будут дергать по срочным вопросам и в выходные. Сегодня, когда люди произносят слово «срочно», я воспринимаю его совсем иначе. Я больше никогда не назову «срочной» подготовку очередной презентации, или проведение потребительского тестирования, или утверждение нового дизайна флакона. Какая во всем этом может быть срочность? Что, кому-то грозит смертельная опасность? Но в тот момент я ничего этого еще не знала. Я только удивилась, что за срочность возникла у ЖЭПэ, чтобы звонить мне в субботу, и догадалась, что это связано с запланированным на понедельник совещанием. Да, это абсолютно срочно. Это жизненно важно. Я поспешила ответить на вызов, почти не глядя на Луи, который притормозил возле меня, явно собираясь что-то мне сказать. Я от него отмахнулась: не видишь, что ли, я разговариваю по телефону? Он что-то пробурчал себе под нос, полагая, намереваясь показать, что это не может ждать. Я так никогда и не узнаю, что именно он хотел мне сообщить. Во мне живет уверенность, что мои последние мысли о сыне несли негативный оттенок. О чем я думала? О том, что он постоянно требует к себе внимания; о том, что у меня не остается ни минуты для себя; о его подростковом эгоизме; о том, что мне насущно необходимо хоть чуть-чуть передохнуть. Неужели ты, засранец, не в состоянии это понять? Мне кажется, последним мелькнувшим в моем закосневшем мозгу словом, мысленно обращенным к моему ребенку, плоть от моей плоти, которого я многие тысячи часов качала на руках, которому тысячи часов пела колыбельные, который доставил мне столько радости, гордости и веселья, – было слово «засранец». Как стыдно! Как несправедливо! Как ужасно об этом вспоминать!

Луи громко свистнул, схватил болтавшиеся у него на шее красные наушники, нацепил их на голову, прижав поплотнее, буркнул, что со мной всегда одна и та же история, потому что у меня на уме только работа, и, встав правой ногой на скейт, оттолкнулся и покатил вниз по тротуару, который шел под уклон. Если бы я не разговаривала с ЖЭПэ – срочное дело касалось исправлений в слайдах, выполненных в программе *Powerpoint*, – во мне сработал бы

материнский инстинкт, заставляющий нас крикнуть сыну или дочери: «Помедленней! Куда ты несешься?» Любой нормальный ребенок, переросший детсадовский возраст, в ответ недовольно фырчит; теоретически наш окрик бесполезен, но на практике он все-таки способствует некоторому пробуждению дремлющего сознания. Мой крик так и не сорвался с моих губ. В компании «Эжемони» на сотрудниц, имеющих детей, смотрят косо, хотя официальная позиция руководства выглядит совершенно иначе: типа мы за гендерное равноправие и всячески поддерживаем социальные достижения женщин. Между теорией, то есть политической декларацией, и практикой как ее оборотной стороной лежит пропасть, и мы видим, что слова часто расходятся с делом: в реальности число женщин, занимающих ответственные посты в крупных компаниях, до смешного ничтожно. Что касается меня, то я никогда не скрывала своих карьерных амбиций, поэтому о том, чтобы проявить свои материнские чувства во время делового разговора – даже если он происходит в 10.31 в субботу, – для меня не могло быть и речи.

Пока ЖЭПэ неторопливо объяснял мне, что именно я должна в воскресенье исправить в презентации, я рассеянно поглядывала на Луи, который и правда катился слишком быстро. Я отметила, что на голове у него наушники, и – это я хорошо помню – подумала про себя: надеюсь, он не включил звук на полную громкость и соображает, что набрал слишком большую скорость. Но я тут же потрясла головой, напомним себе, что он уже большой и пора мне перестать за него волноваться из-за всякой ерунды – вот именно, из-за ерунды. Невероятно, какое количество мыслей может пронестись у нас в мозгу за считанные секунды. Невероятно, с какой болью эти несколько секунд могут потом навечно впечататься в наш мозг.

Я в последний раз покосилась на экран смартфона. Часы показывали 10.32. Еще три минуты, сказала я себе, и я попрощаюсь с ЖЭПэ, потому что мы уже подходим к метро.

Рядом раздался глуховатый рев, вызвавший в памяти гудок терпящего бедствие теплохода. Это был грузовик. Я подняла голову, и тут время остановилось. От места происшествия меня отделяла сотня метров, но прохожие подняли такой шум, что у меня было ощущение, что я уже там. Телефон выпал у меня из рук и разбился. Из груди вырвался крик. Я подвернула ногу, упала, вскочила, скинула туфли на шпильках и побежала так, как не бегала никогда в жизни. Грузовик уже остановился. Кричала не я одна. С десяток человек, сидевших на освещенной солнцем террасе кафе – погода стояла прекрасная, – повскакали со стульев. Какой-то мужчина ладонью закрыл глаза маленькому сыну. Сколько ему могло быть? Года четыре, может, пять. Правильно, подобные зрелища не предназначены для детских глаз. Их даже в фильмах не показывают. Мало ли кто окажется у экрана. Самое большее – намекнут. Мир жесток, так будьте добры, проявите хоть капельку такта. Я добежала и с воем бросилась на землю, ободрав колени, но не чувствуя боли. Во всяком случае, физической боли. Луи. Луи. Луи. Луи. Мой мальчик. Моя жизнь. Как описать то, что не поддается описанию? Очевидец произошедшего сравнил меня с волчицей. Да, я выла как волчица, которой вспарывают брюхо. Я вырывалась, скребла ногтями землю, меня трясло. Я держала в руках голову Луи. Я знала, что его нельзя трогать, что ни к чему нельзя прикасаться, но это было сильнее меня. Все тот же разрыв между теорией и реальностью. Не могла же я просто так оставить его лежать на земле! Но я ничего не делала – только держала его голову, плакала и ждала помощи, беспрепятственно проверяя, дышит ли он. Дышит... Нет, не дышит. Опять дышит! «Скорая» примчалась в рекордно короткое время. Санитар попытался оттеснить меня от тела Луи. Я ударила его по лицу. Извинилась. Он мне улыбнулся. Я все это помню. Помню, как он со мной обращался – бережно, но твердо. Помню его уродливый нос. Его уверенный голос, произносивший положенные в таких случаях слова. Удаляющуюся машину. Краем сознания я улавливала обрывки информации. Детское отделение неотложной помощи. Больница Робера Дебре. Реанимация. Все будет в порядке, мадам. Нет, ничего не будет в порядке. Я провожу вас домой. У меня подкосились ноги. Он меня подхватил. Мышцы, с начала происшествия пребывавшие в состоянии крайнего напряжения, вдруг расслабились. Меня усадили на залитой солнцем террасе кафе.

Тело меня не слушалось. Кишечник скрутило спазмом, и меня вырвало прямо на столик этого хипстерского заведения, которое мгновенно опустело. Я вытерла рот, выпила стакан воды и подняла голову.

Вокруг ничего не изменилось. Небо оставалось таким же голубым и безоблачным. Я посмотрела на часы. Они тоже разбились. Стекло треснуло, и стрелки не двигались. Немое свидетельство. Они по-прежнему показывали 10.32.

Однажды утром

Меня зовут Луи, я живу в Париже, мне двенадцать с половиной лет, скоро тринадцать. Я обожаю футбол, японские мультики, Мэтра Гимса², каналы YouTube, посвященные покемонам, бутербродное масло, в котором больше пальмового масла, чем пальмового масла (обожаю эту шутку), фильмы 1990-х и 2000-х (нет, ими увлекается не только старичье), запахи выхлопной трубы, скейтборды с подсветкой, сиськи математички мадам Эрнест, математику – даже без сисек мадам Эрнест, свою супербабушку Одетту и свою мать (почти каждый день).

Что еще сказать о себе? Судя по всему, я умер.

Обычно я не очень люблю болтать о себе, но с учетом обстоятельств, наверное, надо объяснить, кто я такой и что со мной произошло.

Мы живем вдвоем с матерью. Ее зовут Тельма. Именно с ней я провел свое последнее утро. Хотелось бы мне сказать, что это было выдающееся, чудесное утро, что мы обнимались и говорили друг другу всякие ласковые словечки. На самом деле это было самое что ни на есть обыкновенное утро, что вообще-то нормально. Мы же не проживаем каждый час каждого дня своей жизни так, как будто он последний, – это было бы слишком утомительно. Мы просто живем, и все. И мы с матерью так и жили.

Если задуматься, это утро само по себе можно назвать идеальным. Я знаю, что мама придерживается другого мнения; я догадываюсь, что она снова и снова прокручивает в голове каждую его минуту и без конца задает себе вопрос, что она должна была сделать, чтобы ничего не случилось. У меня на этот вопрос есть ответ, и он наверняка не совпадает с версией моей родительницы: ничего.

Довольно странный ответ, особенно если вспомнить, что происходило этим утром. Мама пыталась вытащить меня из постели, я недовольно бурчал, тянул время и снова бурчал. Так выглядит картина, если смотреть снаружи. Мне, кстати, она такой и представлялась. Но сейчас, когда все это слегка (на самом деле не слегка) от меня отдалилось, я лучше понимаю, что тогда чувствовал. Смутное ощущение, какое-то покалывание в мозгу – его осознаешь только тогда, когда ничего другого не остается. Власть привычки. Счастье привычки. Неизменное наслаждение домашними ритуалами. Все эти повседневные мелочи, из которых состоит наша жизнь и которые меняют все.

То утро было наполнено всеми этими восхитительными обыкновенностями. В моей комнате скрипнула дверная ручка, пробудив сотую часть моего сознания и сообщив, что наступает новый день. На пороге появилась мама. Она подошла ко мне и погладила по голове, проведя рукой от лба к затылку, – она всегда гладила меня только в этом направлении и никогда в противоположном. «Доброе утро, зайчик, – просюсюкала она. – Пора вставать, сладкий мой», – как будто мне все еще два или три года. Это был миг между сном и явью, полуплетаргическое состояние, когда не понимаешь, где сновидение, а где реальность. Затем раздался щелчок механизма, поднимающего оконный ставень; мне на лицо упали солнечные лучи; я заворчал, перевернулся на другой бок и накрыл голову подушкой. Первый раунд завершился. Морфей снова сомкнул на мне свои объятия, и я опять погрузился в сон; что мне снилось, я не помню. Второй раунд. Мамин голос звучит настойчивее, тверже, в нем меньше ласковых нот. Все как всегда. Ей тоже хорошо знаком этот ритуал. Он повторяется у нас почти тринадцать лет. Он совершается механически, но это не важно: по интонации каждого произнесенного слога, по продолжительности рыка подрастающего полусонного медвежонка мы оба сразу понимаем, в каком настроении начнем день. Сегодня – в хорошем. Сегодня – суббота, и мы

² Мэтр Гимс – французский рэпер. (Здесь и далее – прим. перев.)

оба в курсе этого. У нас полно времени, даже если мама думает иначе. Я знаю, что мы будем сегодня делать, я знаю свою мать, я знаю, что она будит меня заранее, чтобы дать мне время проснуться.

Здесь я должен сделать маленькое отступление, потому что вы наверняка недоумеваете: как-то странно, что мальчик двенадцати с половиной лет употребляет такие трудные слова. Так ведь? В любом случае могу сказать, что для моих приятелей из третьего класса С³ коллежа Поля Элюара это ацтой (для тех, кому сорок и больше – отстой). Вообще-то говоря, учиться в третьем классе в двенадцать с половиной лет – это тоже ацтой, но я не делаю из этого проблемы. И да, я всегда так разговариваю. Ребята в коллеже потешаются над тем, как я выражаюсь, и обзывают меня ботаном; поэтому я буду вам крайне признателен, если вы не последуете их примеру.

На чем я остановился? Ах да, я начал вам рассказывать. В последние несколько дней мне очень хотелось – мне было очень нужно – поговорить с мамой о девочке, с которой я познакомился на футболе (да, девочки играют в футбол, и среди них есть симпатичные; пора отказаться от стереотипов). Я ждал подходящего момента. Мы с мамой – люди довольно стеснительные. Мы не слишком склонны распространяться о своих чувствах. Чаще держим их при себе. В будни подходящего момента не дождешься. Она приходит с работы измотанная и не выпускает из рук смартфона, потому что ей надо постоянно решать так называемые срочные вопросы. Интересно, что за срочность может возникнуть, если занимаешься рекламой шампуня против перхоти?

Короче. Я решил, что более подходящего момента, чем обычное утро обычного выходного дня, не будет. Мне не хотелось, чтобы мама чересчур напряглась, вообразив, что я уже женился. Никакой торжественности. Скажу между делом как о каком-нибудь пустяке, и все будет окей. Вот почему, когда я подъехал к маме, а она меня оттолкнула и посмотрела так, будто я сорняк у нее на клумбе, я страшно обиделся. Мама говорит, что я слишком темпераментный. Не знаю, что она имеет в виду, возможно, что я приставучий. Или чересчур чувствительный. Или и то и другое сразу. В свое оправдание могу повторить слова бабушки Одетты, которая часто говорит, что яблоко от яблони недалеко падает: моя мама сама чересчур чувствительная. Заметьте: я не сказал «приставучая», это вы сами додумали.

В общем, я засопел как паровоз, развернулся и покатил от нее прочь. Я хотел, чтобы она перестала трепаться по телефону. Была суббота, утро, и надо было как-то дать ей понять, что сегодня выходной. Я прекрасно знал, что моя мать до сих пор психует, если на улице я исчезаю из поля ее зрения. Сознательно или неосознанно, но она ускоряет шаг, чтобы поскорее меня нагнать. Поэтому я припустил что было сил. Я намеревался раньше ее проскочить угол улицы Реколле и спрятаться на входе в сад Вильмен: пусть понервничает и бросит наконец свой телефон.

Что произошло потом, я так и не понял. Хотя нет, понял, конечно, я ведь не debil. Я ехал слишком быстро, это очевидно. Меня занесло. Тупейшая ошибка. Я хорошо управляю скейтом и давно не делаю таких ошибок. Когда я поднял голову, то увидел, что на меня несется грузовик. Раздался сигнал клаксона, и наступила темнота.

Непроглядная тьма.

Обратите внимание: вопреки распространенным представлениям вся моя жизнь не промелькнула у меня в голове в считанные доли секунды. Я лишь заметил зажженные фары

³ Во французских коллежах и лицеях принят обратный отсчет классов: третий класс соответствует восьмому в российской школе.

этого чертова грузовика и успел с удивлением подумать: ну надо же, чего это он среди бела дня включил фары?

Иногда последняя мысль бывает до ужаса нелепой.

Глава 2

ЭЭГ

Я не допускала мысли, что он умер. Так устроены матери. Стоит тебе хотя бы на миг представить себе, что твой ребенок умер, считай, ты его уже похоронила. Но похоронить свое дитя – это невозможно. Луи не умер. Не мог умереть.

Я была в состоянии шока. Не уверена, что верно воспроизвожу медицинский термин, хотя мне кажется, я слышала, как кто-то из врачей его произнес. Оставшуюся часть той страшной субботы я прожила как будто в ватном коконе, с ног до головы окутавшем меня толстым защитным слоем, гасившем посторонние звуки и другие раздражители. Я чувствовала себя как под наркозом – то ли из-за того, что меня накачали успокоительными, то ли из-за того, что меня оглушили шумовыми и другими гранатами.

Под шумовыми гранатами я подразумеваю объяснения медиков, которые втолковывали мне, что мой сын находится под действием обезболивающих и других препаратов, призванных снизить риск возникновения инфекции и внутренних повреждений. Выживет он или нет – пока под вопросом. Сказать, придет он в сознание или нет, они тоже не могут: надо дожидаться, когда перестанут действовать лекарства. Нам очень жаль, мадам.

Слезоточивыми гранатами меня забросала примчавшаяся в больницу мать. Она налетела на меня как фурия, обвиняя в бесчувственности, безответственности и наплевательском отношении к собственному сыну. Она так вопила, что медикам пришлось оттаскивать ее от меня – мою родную мать. Они ее увещевали, повторяя, что каждый переживает стресс по-своему, и вы, мадам, должны уважать реакцию вашей дочери, как мы уважаем вашу, и нет, мы вовсе не безмозглые мудаки.

Затем настал черед словесных гранат. На меня обрушились полчища незнакомых слов и сокращений, неудобоваримых определений и прилагательных – целые дивизии медицинских терминов, бессмысленных для каждого, кого они напрямую не касаются. Из всей этой врачебной абракадабры моя память сохранила лишь несколько ключевых понятий, несколько реперных точек, которым, даже по моему разумению, принадлежала главная роль и которые имели критически важное значение.

Множественные переломы.

Гематомы.

Черепно-мозговая травма.

Легочный.

Кома.

Глубокая.

Дыхательный.

ЭЭГ.

Электроэнцефалограмма.

Ждать.

Сколько?

Неизвестно.

Не можем сказать.

Никогда?

Не знаем.

Слишком рано.

Надежда.

Мужество.

На больничной койке Луи выглядел таким хорошеньким. Безмятежным и спокойным. Как ни странно, внешне он почти не пострадал. На лице и теле практически не было ни ран, ни синяков. Если бы не все эти трубки... У него треснули два ребра и была сломана нога, но, как мне объяснили, поскольку перелом закрытый, надо просто неподвижно лежать, и все срастется. Можно подумать, если бы не перелом, он бы вскочил и принялся прыгать по палате, буркнула я, и медсестра бросила на меня красноречивый взгляд: по ее мнению, шутки здесь неуместны, особенно со стороны отчаявшейся матери. Наверное, у меня снесло крышу. Не знаю, от отчаяния или нет. Все происходящее казалось нереальным. Это просто страшный сон, Тельма. Всего лишь сон. Сейчас ты проснешься, и Луи будет стоять рядом, косясь на тебя из-под падающей на лоб серферской пряжи, и в его черных глазах, обрамленных густыми ресницами, будут плясать смешинки. Мам, ты что? Шуток не понимаешь? Ладно, признаюсь, я пошутил не очень удачно, но со мной все в порядке, ты, главное, не волнуйся. Кстати, ты купила мне карту покемона *EX*? Я же тебе говорил, их уже продают на «Амазоне»! А что у нас сегодня на ужин? А можно я телик посмотрю? Там концерт будет по *MTV*. Ну ма-а-ам... Ну что ты как все равно... Вау, ты лучшая мама на свете! Я тебя обожаю!

Я далеко не лучшая мама на свете. От звания лучшей меня отделяют световые годы. Та, лучшая, смотрит на меня из своей далекой галактики с нескрываемым презрением. Ее сын при ней, стоит рядом и улыбается. Он жив. А мой?

Он жив.

Он тоже жив.

Надежда.

Ожидание.

Сколько ждать?

Неизвестно.

Глава 3

Сразу после

Меня отпустили из больницы в воскресенье вечером. В субботу мне не разрешили уйти домой; врачи сказали, что должны меня обследовать. По-моему, они просто боялись, что я совершу какую-нибудь глупость. Плохо же они меня знают! Я могу быть кем угодно, но я уж точно не самоубийца. Инстинкт самосохранения впаян в меня накрепко. Даже в самые трудные минуты мне всегда хватает сил подняться. Именно это я снова и снова твердила себе после того, что случилось с Луи. Я должна перейти в режим борьбы. Уж бороться-то я умею. Я – настоящая воительница. Стойкий оловянный солдатик.

– Очень хорошо, мадам. Луи понадобится ваша поддержка. Для больного в коме очень важно участие окружающих. Разумеется, мы не даем вам никаких гарантий, но Луи – мальчик, а в таком возрасте шансы выкарабкаться выше. Часто позитивные перемены наступают в результате грамотного лечения, но воля к жизни самого пациента, его молодость и усилия близких, которые борются вместе с ним, не менее важны.

Итак, в воскресенье я вышла из больницы с надеждой в сердце, но с омертвевшей душой. Я вроде бы проявила полную готовность вступить в борьбу, и медсестры были рады меня поддержать, особенно одна хорошенькая блондинка, напомнившая мне телеведущую Софи Даван – перед ней я прямо на камеру призналась бы, до чего мне плохо. Но где-то внутри меня звучал тошнотворный голосок, которому придавала уверенности ночь, проведенная в интернете в поисках информации на тему комы (интернет в подобных случаях способен обретать особую разрушительную силу). Этот голосок нашептывал: «Все это ни к чему», «Третья стадия комы – это безнадежно», «Вспомни Михаэля Шумахера – он уже годы в таком состоянии», «А что, если он очнется, но будет овощем?», «А что, если он так и не очнется?». Иначе говоря, меня поминутно швыряло от самого беспросветного отчаяния к самому оголтелому оптимизму; по-моему, больничные персонал заподозрил, что у меня не все в порядке с головой. Мне хотелось сказать им, чтобы не беспокоились, потому что я всегда такая, просто сейчас это мое свойство приняло экстремальные формы, но я сомневалась, что это их успокоит. В любом случае мне надо было что-то с этим делать, пока я и в самом деле не рехнулась.

Меня пустили к Луи. Я провела с ним целый день. Мой мальчик спал. Я все ждала, что вот сейчас он проснется, заворочается и пробурчит, что сегодня воскресенье и незачем его так рано будить. Я отдала бы все на свете, лишь бы услышать его недовольное ворчанье, от которого обычно впадала в дикое раздражение. Но ничего похожего я не дождалась. Ничего не происходило. Благодаря аппаратуре он дышал равномерно, но грудь оставалась единственной частью его тела, подававшей признаки жизни. Большую часть дня я держала в ладонях его руку. Подолгу гладила ему пальцы. Медленно и терпеливо массировала ему ноги. Тепло его тела действовало на меня успокаивающе. На лице мне разрешили трогать только щеки. Я закрывала глаза и как наяву видела ямочки – они всегда появлялись у него, когда он улыбался. Я много плакала. Слезы капали мне на руки, в которых я сжимала его руки. Насколько я понимала, это было в порядке вещей. Я пела ему колыбельные. С десятков раз – его любимую; он даже в свои двенадцать лет часто просил, чтобы я ему ее спела. Я сочинила ее сама, и мелодию, и слова. Наверняка это была самая корявая из всех колыбельных. Наверняка – самая прекрасная для него. И для меня.

Солнце село. Мне стало страшно. Я боялась возвращаться в пустой дом. В дом, где нет его. Открыть дверь. Вдохнуть его мальчишеский запах – он каждое утро старательно пшикал на себя дезодорантом для подростков. Собрать его грязную одежду, как обычно брошенную на пол в коридоре. Что-то съесть. Лечь спать. Ворочаться без сна. Накануне мне вкололи успокоительное, а я так вымоталась, что в конце концов отрубилась и заснула тяжелым сном без

сновидений. Но эта ночь без него будет другой. Предчувствуя это, я, как могла, тянула время, делая вид, что не понимаю медсестер, которые все настойчивее намекали мне, что пора уходить – не ночевать же я здесь собралась. Вся эта история – надолго, и мне понадобится много сил. Ради него. Я несколько раз его поцеловала, шепча ему на ухо всякие глупости, понятные только нам двоим, выпрямилась и вышла из палаты, оставив позади свое дитя и всю свою прошлую жизнь. Отныне мне предстояло существовать в пространстве «после».

Домой я решила идти пешком, надеясь, что после кондиционированного воздуха больницы мне будет полезно подышать уличным. Я прошагала несколько сотен метров посреди плотной толпы парижского вечера и вдруг вспомнила о водителе грузовика, из-за которого опрокинулась вся моя жизнь. Полицейские пытались со мной поговорить, но я была в таком состоянии, что врачи посоветовали им пока меня не расспрашивать. Впрочем, они сказали, что обязательно должны меня выслушать. Позже они и правда вернулись, и мы минут десять беседовали. Они просили меня рассказать, как все это произошло, но я мало чем могла им помочь. Тем не менее я хотела, чтобы правосудие свершилось, и мало-помалу выпустила на волю свою жажду мести по отношению к водителю грузовика. Полицейские прекрасно меня поняли и постарались умерить мое пылкое стремление навечно законопатить этого человека в тюремной камере; они объяснили, что ведется следствие, что у них есть несколько свидетелей, давших точное описание инцидента; кроме того, сохранились записи с уличной видеокамеры, и я не должна сомневаться, что справедливость восторжествует. Правда, один из них успел шепнуть мне, что, видимо, имел место несчастный случай, что за рулем грузовика сидела женщина, мать двоих малолетних детей, что она сама в ужасе от случившегося и что выводы, к которым придет следствие, мне, скорее всего, не понравятся. Свидетели сходились в показаниях: судя по всему, Луи потерял управление скейтом и избежать столкновения было практически невозможно, что бы ни предпринял водитель, чья ответственность, соответственно, представлялась весьма ограниченной. Тут меня прорвало: я обрушилась на полицейских с обвинениями в полной некомпетентности; я кричала, что просто так этого не оставлю, что эта мерзавка запудрила им мозги, раз они поверили, что она тут ни при чем; под конец я обозвала их уродами и ублюдками и наградила еще парочкой эпитетов, которые сегодня затрудняюсь воспроизвести. Я вскочила с места, потрясая кулаками, но в этот миг в палату вошла Софи Даван с санитаром – они-то меня и удержали. Силы покинули меня, я опустилась на холодный зеленый линолеум, к ногам красотки-телеведущей, и зашлась в истерических рыданиях. Полицейские спокойно заметили, что прощают мне оскорбления и агрессивные действия в свой адрес, поскольку видят, что я не в себе, пожелали мне мужества и удалились. Я потеряла не только будущее своего сына – я утратила всякое достоинство. Известие о том, что за рулем грузовика сидела женщина – как и я, мать, – не помешало мне пожелать ей наихудшей кары, хотя я ничегошеньки о ней не знала.

Двигаясь в сторону канала Сен-Мартен, я тряхнула головой, отгоняя эти мысли. Еще минут пятнадцать, и я буду дома. У нас дома. Но одна.

Я прошагала примерно километр, и во мне ожили старые рефлексy. Я бросила взгляд на часы. Разбитый циферблат показывал 10.32. Ничего не изменилось. Я сунула руку в сумку, за мобильником, о котором не вспоминала со вчерашнего дня, – такого со мной не бывало с тех пор, как... Не бывало никогда. Я долго шарила в битком набитой сумке, пока до меня не дошло, что смартфона в ней нет и быть не может, потому что в момент происшествия я его уронила.

Я остановилась. Жан-Пьер. Я разговаривала с ЖЭПэ. Я ему не перезвонила. Я вообще ни разу о нем не вспомнила – ни о нем, ни об этой чертовой презентации, запланированной на завтра, куда явится мистер Биг Босс собственной персоной. Предполагалось, что я буду работать над презентацией в воскресенье, то есть сегодня. Представляю, как психует ЖЭПэ, не имея от меня никаких новостей. Психует он, конечно, из-за презентации, а не из-за меня – сама по себе я его не интересую. Кстати, он успел расслышать, что произошло, или мой телефон разбился раньше? Я мысленно воспроизвела свои тогдашние ощущения и пришла к выводу,

что связь прервалась мгновенно, а значит, ЖЭПэ ничего не слышал. С одной стороны, это меня успокоило: я не испытывала ни малейшего желания ловить на себе взгляды сотрудников «Эжемони», исполненные фальшивого сочувствия. Моим спасательным кругом могла стать только профессиональная карьера. Если я перестану работать, я обращусь в ничто. Мне надо во что бы то ни стало сохранить этот оазис нормальной жизни. Нельзя допустить, чтобы Тельма – директор по маркетингу средств по уходу за волосами сгинула, вытесненная Тельмой – матерью лежащего в коме ребенка.

Как я ни силилась думать о ЖЭПэ и о работе, в голове по-прежнему крутились картины случившегося. В ушах все так же звучали мои собственные вопли. К горлу подкатила тошнота; меня вывернуло прямо на тротуар. Я закашлялась, на меня напала икота. Шагавшая мимо старушка с собачкой на поводке поскорее перешла на другую сторону улицы. Вот она, хваленая парижская забота о ближнем.

Я присела на ступеньки крыльца какого-то дома и постаралась восстановить дыхание и успокоиться. Надо заглушить в себе эти звуки, утихомирить бушующую в душе ярость. Сколько я так просидела? Достаточно долго, если судить по тому, что руки, уши и щеки у меня окончательно онемели.

Затем в мозгу зашевелились кое-какие мысли. Я начала обдумывать план действий на ближайшую перспективу. Если у меня не будет цели, я не смогу двигаться вперед. Я никогда не жила без конкретной цели. После несчастного случая все мои прежние цели утратили актуальность. Поэтому я составила новый список – краткий, но чрезвычайно содержательный, – надеясь, что он поможет мне сосредоточить все мои усилия и всю мою энергию на достижение самого главного. А потом посмотрим.

Цель номер один: вытащить Луи из комы.

Цель номер два: продолжать работать как ни в чем не бывало.

В эту ночь, наступления которой я так боялась, я на часок прикорнула, а оставшееся время трудилась над презентацией. Стоит мне сесть за компьютер, и окружающий мир перестает для меня существовать – я превращаюсь в направленный поток мыслей.

Именно это мне и требовалось. Нагрузить себя работой, отключить воображение и прекратить думать о Луи.

Глава 4

О, капитан! Мой капитан!

4

– Тельма блин куда ты подевалась я звонил тебе пятьдесят раз ты ведешь себя непрофессионально могла бы перезвонить блин я чуть с ума не сошел надеюсь ты внесла все изменения в презентацию иначе нам сейчас голову оторвут и не надейся что я буду тебя прикрывать голубка.

Вдохнуть поглубже.

– Я тоже очень тебя люблю, ЖЭПэ. Вообще-то доброе утро.

– Какое в жопу доброе! Хоть бы извинилась! Твое счастье, что я тебя обожаю и готов ради тебя на все.

ЖЭПэ в своем репертуаре: через фразу противоречит сам себе. Рехнуться можно. Наши молодые сотрудники вылетают из его кабинета абсолютно растерянные, не понимая, как толковать его взаимоисключающие указания. Я кое-что почитала и сделала вывод, что ЖЭПэ – самовлюбленный извращенец. Разными путаными требованиями он морочит своим жертвам голову, хвалит их за прекрасно выполненную работу и тут же доказывает, что они – полное дерьмо.

– Держи! – сказала я, протягивая ему флешку. – Это окончательная версия презентации.

– Я из-за тебя всю ночь не спал! Тебе здесь столько платят не для того, чтобы ты прохлаждалась в выходные, да еще накануне совещания у босса. Усекла?

– Более чем, ЖЭПэ. Обещаю, что больше такое не повторится.

Жеманная улыбка, шаловливый взгляд: я старательно изобразила раскаяние – нахалка, притворяющаяся пай-девочкой. С такими типами, как он, следует сражаться его же оружием: говорить одно, а делать совсем другое.

ЖЭПэ просмотрел презентацию и широко мне улыбнулся. Я знала, что отлично поработала. Ему не в чем было меня упрекнуть.

– Недурно, мисс. Ты, конечно, засранка, но крутая засранка. Под крутой я подразумеваю твои профессиональные качества, а ты что подумала? Между нами, для меня твой срок годности давно истек, ха-ха-ха. Ладно, шучу, старуха, для своих лет ты еще ого-го! Ну все, посмеялись, и ладно. Снимай трусы и пошли. Сейчас нам с тобой вставят по полной программе, ха-ха.

Не переживай, ЖЭПэ, я на тебя не обижаюсь. Зато последние два года я регулярно записываю на айфон все комплименты, которые ты и тебе подобные отпускаете в мой адрес и в адрес других женщин. Я все-таки не вчера родилась.

Мы с ЖЭПэ сели в лифт и поехали на девятый этаж. Коллеги, попадавшие навстречу, дружно желали нам удачи. У нас в компании мистер Биг Босс – личность легендарная. Славен он в основном тем, что наводит на окружающих священный ужас. Директора других компаний, тоже из списка сорока крупнейших, называют его «железной рукой в железной перчатке»; польские рабочие, недавно уволенные в связи с закрытием фабрик «Эжемони», – «великим говнюком». Широкой публике о нем практически ничего не известно, кроме того, что он возглавляет крупную фирму; в финансовых кругах он слышит полубогом, которого следует почитать и с которым ни в коем случае нельзя спорить. Каждого, кто посмеет его послушаться, этот диктатор новейшего времени испепелит своими молниями.

Лично я никогда его не боялась. Так уж меня воспитала мать. Она часто говорила мне: если кто-то внушает тебе страх, представь себе его в смешной ситуации, и от его сакральной

⁴ Начало стихотворения Уолта Уитмена, написанного в связи с убийством Авраама Линкольна в 1865 году.

ауры не останется и следа. «Кто бы он ни был, пусть даже он лопаётся от спеси и сознания собственного могущества, представь себе на минутку, как он сидит на унитазах, и он мгновенно спустится с небес на землю. Ты поймешь, что он такой же человек, как и все, с такими же, как у всех, потребностями. У него те же права и те же обязанности, что и у всех остальных. Никогда об этом не забывай».

Десять минут спустя мы вошли в зал заседаний. Там уже собралось человек тридцать – все с похоронными минами. А что, нормально. Мы же обсуждаем косметику – что может быть серьезней? На таких совещаниях часть присутствующих только делают вид, что слушают, а на самом деле отвечают на мейлы или совершают покупки в интернет-магазинах. Они никогда не берут слово, зато всегда соглашаются с начальством, с воодушевлением кивая на каждое его замечание. Если выступает женщина, считается хорошим тоном, чтобы она пришла в короткой юбке и в туфлях на высоком каблуке; для макияжа она должна использовать всю фирменную продукцию: тушь «Миллиард ресниц», помаду «Экстракрасная», тени для век «Шик-винтаж», лак для ногтей цвета фуксии из ограниченной коллекции «Нью-Йорк-фан». Это как минимум.

Мистер Биг Босс любит отпускать шуточки: в адрес потребительниц, которых снисходительно именуется тетками; в адрес моделей, снимающихся в рекламе «Эжемони», – они для него «курицы», подлежащие немедленному увольнению при первых признаках увядания; в адрес служащих (все «бездельники»); в адрес рабочих, получающих минимальную зарплату (пусть скажут спасибо, что их еще не выгнали, а на их место не взяли «узкоглазых», умеющих жить на один евро в день); в адрес маркетологов, намеренно сыплющих английскими словечками, чтобы никто не понял, что ничего путного они предложить не в состоянии. Мистер Биг Босс – настоящий комик. Аудитория встречает его реплики веселым смехом – а как же иначе?

Я начала презентацию и сейчас же заметила, что мистер Биг Босс меня не слушает. Он сидел и с похотливой улыбкой пялился в свой смартфон. Нетрудно было догадаться, что именно он там рассматривает. Я решила прервать выступление. Презентация, над которой я работала всю ночь, предназначалась исключительно для ушей Папы Смурфа, и больше ни для кого. Если он меня не слушает, какой смысл продолжать? Участники совещания начали покашливать. Многие уставились на меня – что за игру я веду? Какая разница, что делает повелитель, ты знай бубни свое – это считалось у нас непреложным правилом. *The show must go on, darling.*

Мое молчание затягивалось. Президент – генеральный директор поднял глаза и несколько секунд пристально меня изучал. Наконец он отложил в сторону смартфон:

– В чем дело, милая Тельма?

– Эта презентация подготовлена специально для вас, но вы не слушаете. Я могу подождать, пока вы не покончите со срочными вопросами.

– Здесь присутствует все правление и еще два десятка топ-менеджеров фирмы. Ваша презентация интересна не только мне. И мне не нравится ваш тон. Продолжайте.

Я заколебалась. Посмотрела вниз, себе на ноги. Надо сохранять хладнокровие. Продолжать не моргнув глазом. Нет, ни за что.

– Кто из них сможет рассказать, о чем я говорила в начале презентации?

В зале зашумели. На лицах появились иронические улыбки. Кое у кого в глазах мелькнул страх.

– Что это вы затеваете, моя милая Тельма?

– Я не ваша милая. Но я продолжу.

Я вернулась к презентации на том месте, где остановилась, но нутром чуяла, что мистер Биг Босс что-то замышляет. И правда, он прервал меня на полуслове:

– Нет, продолжать не надо. Вы не готовы к презентации. Это любительство, а не профессионализм. Зайдите ко мне позже, когда как следует поработаете. Мне казалось, я хорошо знаю, милая моя Тельма, к какому типу женщин вы принадлежите, и вы мне нравились. Кстати, у вас есть дети?

Внезапное видение – совершенно неуместное в данной обстановке. Луи. Грузовик. Больница. Отвлечься – как можно скорее.

– У меня есть сын, господин генеральный директор, но я не вижу связи. К какому типу женщин я, по-вашему, принадлежу? И, рискуя повториться, напомним: я не ваша милая.

– Вы из тех женщин, для которых карьера – это все. Я имею в виду, что ради успеха вы пойдете на что угодно. Но здесь нет никого, кто стал бы на это жаловаться.

Снова та же похотливая улыбочка. Смешки в зале. Мне вспомнилось, как я иду вдоль канала Сен-Мартен. На часах 10.31. Луи хочет что-то мне сказать. Но я разговариваю по телефону. Для меня карьера – это все. Мистер Биг Босс абсолютно прав. Меня замутило. Я почувствовала, что к глазам подступают слезы.

– Я не выношу баб, которые целыми днями занимаются всякой ерундой, если, конечно, они не бегают по магазинам и не скупают нашу продукцию. Я думал, что вы не такая. Что вы телом и душой преданы компании. Я ошибался. Возможно, вам следовало бы поменьше нянчиться со своим потомством и уделять чуть больше внимания работе. Совещание окончено, милая Тельма.

Он поднялся. Я почувствовала, как у меня в груди поднимается волна глухого гнева.

Нянчиться. Предыдущие сутки я провела у постели Луи. Да, я нянчилась с моим любимым ребенком. Старалась хоть чем-то ему помочь. Пыталась обмануть собственное отчаяние и вскоре сбросила с себя ставший бесполезным панцирь. Мне вспомнился первый школьный день Луи. Да, я с ним нянчилась. Я сунула ему в ранец его любимый шоколадный батончик, красным фломастером нарисовав на обертке сердечко, чтобы ему было не так одиноко, чтобы он знал, что я всегда буду с ним рядом. Мне вспомнился тот день в роддоме, когда я взяла Луи на руки. Я с ним нянчилась. Одна. Я чувствовала себя плохой матерью, потому что мне не удавалось наладить правильное кормление. Грудь у меня болела, и ничего не получалось. Луи терял в весе, и врачи советовали мне переходить на искусственное вскармливание. Но я не сдавалась. Прошло два дня, и Луи начал нормально сосать. Я плакала. Да, я с ним нянчилась.

Этот подонок сам не соображал, что говорит. Я подошла к нему и сделала то, что должна была сделать давным-давно. То, что давным-давно должны были сделать все женщины, работающие в этой компании. Я встала перед диктатором, перегородив ему проход. И изо всех сил врезала ему по морде.

Это был хороший удар. Удар с большой буквы.

Суперудар.

Суперпощечина.

Лучшая из пощечин.

Я понимала, что дорого за нее заплачу. Меня уволят. Но как я ему вмазала! Блин, как мощно я ему вмазала! Этот гаденыш устался на меня как баран. Потрогал рукой щеку, улыбнулся и бросил своей камарилье:

– Немедленно уволить.

– С огромным удовольствием покину вас, господин президент – генеральный директор, – ответила я.

Я вышла из зала заседаний в непередаваемом настроении. Я думала, что буду рыдать. Вместо этого я хохотала.

Глава 5

Да или нет?

Я все испортила. Цель номер два была безнадежно провалена. Но одно я усвоила твердо: я больше не стану работать, как работала прежде. Я боялась, что мне будет плохо, но уже на следующий день у меня с плеч свалилась огромная тяжесть. Теперь я могла дни напролет проводить в палате Луи. Я рассказала ему, что со мной произошло и как я разобралась с этой старой свиньей – гендиректором «Эжемони». Я изобразила всю сцену в лицах, вызвав смех у медсестер, в том числе у Софи Даван, которая по секрету шепнула мне, что у них в больнице таких тоже хватает: нельзя пройти по коридору, чтобы не нарваться на очередного хама; по ее мнению, моя история должна внушить надежду всем женщинам, вынужденным ежедневно подвергаться унижению со стороны обормотов, неспособных справиться с избытком тестостерона. Мне хотелось поделиться этим с матерью; впервые за многие годы, подумала я, она будет мною гордиться. Но я быстро отогнала эту мысль. Я не впущу мать в свою жизнь; она в ней – персона нон грата. Я позволила ей навещать Луи, но настояла на том, чтобы мы не пересекались. Будем дежурить у него по очереди.

Луи по-прежнему лежал без движения. Я изо всех сил старалась делать вид, что меня ничто не сломит, и пыталась внести в его существование хоть какое-то разнообразие. Врачи высказались достаточно определенно: скорее всего, он ничего не слышит и не ощущает, но все же есть крохотная возможность, что это не так, и я цеплялась за нее, показывая ему, что его мать борется, что его мать не сдалась.

По вечерам, когда я возвращалась домой и мне больше не надо было держать лицо, наступала фаза отчаяния – жестокого беспримесного отчаяния. Я давала волю слезам, выпивала стакан красного вина, затем второй, затем приканчивала всю бутылку. Вроде бы мне становилось легче. Сознание плыло, и я проваливалась в полудрему. В моих грезах наяву Луи успевал вовремя затормозить на краю тротуара, оборачивался и складывал пальцы в традиционном серферском приветствии, означавшем: «Не парься, мам, все под контролем». Мы вместе смеялись, я брала его под руку, и мы шагали дальше, к Восточному вокзалу. Утром реальность возвращалась. Я просыпалась с тяжелой головой, запивала чашкой кофе таблетку парацетамола и, не ответив на эсэмэски и мейлы матери, шла в больницу.

* * *

Через три дня после исторической пощечины я, прихватив официальное уведомление об увольнении, отправилась к адвокату и описала ему произошедшее. Поначалу он скривился и сказал, что мое дело труба, но я вытрясла из рукава припасенные на этот случай козыри: пятнадцать лет беспорочной службы в «Эжемони», сплошные похвалы и поощрения, несколько десятков пиратских аудиозаписей, свидетельствующих о царящем в компании сексизме, и – приятный сюрприз для меня – мейл от одной из немногих женщин, присутствовавших на роковом совещании и готовой на условиях анонимности выступить в мою поддержку.

Лицо адвоката разгладилось. Мои аргументы выглядели железобетонными, и дело обещало богатые перспективы. Ни за что на свете такая фирма, как «Эжемони», весь бизнес которой строится на доверии женщин всего мира, не рискнет быть втянутой в сексистский скандал, потому что он обернется бойкотом, потерей десятков миллионов евро и беспрецедентной травлей в СМИ. Адвокат предложил немедленно начать финансовые переговоры, по результатам которых я буду материально обеспечена на многие годы вперед. На его взгляд, я могла

рассчитывать на пятьсот – шестьсот тысяч евро, и это далеко не предел: если хорошенько припугнуть великого маниту, мы вытрясем из них гораздо больше.

Мы отправили адвокатам компании запись одной из любимых шуток главнокомандующего «Эжемони». Микрофон включен. Поехали! Маркетологи представляют новую рекламу с участием актрисы Дженнифер Престон-Конвелл – обладательницы трех «Оскаров», имеющей тридцать миллионов фолловеров в соцсетях. Мистер Биг Босс прерывает выступающего:

– Она плохо стареет, эта ваша Дженнифер. Мы с ней на фотошопе разоримся. Если хотите знать мое мнение, ей не помешала бы легкая липосакция.

Тишина. Присутствующие смущенно молчат. Затем раздается смех – это ржет мистер Биг Босс:

– Интересно, почему у нее при такой жирной жопе такие маленькие сиськи? Надуйте ей сиськи и сдуйте жопу. Так и быть, на этот раз сойдет. Но подыскивайте ей замену, да поживее, не то наши продажи полетят к чертям собачьим, и вы вместе с ними.

– Это джекпот! – с восхищением воскликнул мой адвокат, и в его алчных глазах блеснула слеза.

* * *

Врачи решили отменить Луи все препараты на девятый день. Угроза инфекции миновала, гематомы постепенно рассасывались. Мне хотелось верить, что Луи на пути к выздоровлению, но мне объяснили, что только теперь, когда кому перестали искусственно поддерживать, можно будет оценить его реальное состояние. Надо ждать, появятся ли признаки того, что он приходит в сознание. Сколько ждать? Дня через два ситуация прояснится. Терпите. Мужайтесь.

* * *

Я пережила эти два дня ожидания, но со слезами на глазах – в буквальном смысле слова. Я беспрестанно плакала. Не могла думать ни о чем, кроме Луи. О том, как мне без него плохо. Как невыносимо. Продавщица в булочной здоровалась со мной, а я принималась рыдать, потому что увидела в витрине печенье макарон, которое обычно покупала сыну. Я включала радио, но разносившиеся по пустой квартире звуки вгоняли меня в еще большую тоску. Если я шла по улице и мне навстречу попадался парень на скейтборде, я едва не теряла сознание. Стоило мне завидеть грузовик, как у меня начинался приступ удушья, и приходилось садиться на скамейку. Моя жизнь превратилась в череду непосильных испытаний.

Голова по утрам уже не просто болела, а раскалывалась. От одной бутылки вина я перешла к двум. Больничный персонал быстро меня раскусил. Ко мне подослали лучшего эмиссара в лице Софи Даван. Все знали, что она мне нравится, и решили на этом сыграть. Она со мной поговорила – максимально мягко. Призвала меня к активным действиям, дала телефон знакомого психиатра, настоятельно советуя немедленно пойти к нему на прием. У вас проблема, сказала она, что в вашем случае неудивительно, и ее, пока не поздно, надо решать. Пообещайте, что позвоните ему. Обещаю, Софи.

Никому я не позвонила. Я как будто онемела. Как будто высохла изнутри. Адвокат сообщил, что торговля идет успешно и «Эжемони» предлагает около миллиона евро. Его голос по телефону звучал ликующе, но мне эта новость не доставила никакого удовольствия. Я приняла ее к сведению, вот и все.

Эти несколько дней открыли мне глаза на реальный ужас моего существования. Кроме работы и сына у меня не было ничего. Я была никем. Моя личная жизнь истончилась до состояния папиросной бумаги. В последний раз я занималась сексом десять долгих месяцев тому назад.

Тем не менее раньше я была очень даже ничего. Пожалуй, чуть выше среднего. Стройная, рост метр шестьдесят восемь, выразительное лицо, орехового цвета глаза, густые, красивой формы, чувственные брови, которые я сознательно не выщипывала, потому что они привлекали внимание к глазам. Пышная темная шевелюра – моя парикмахерша называла ее пыляющей, наверное, чтобы я не так огорчалась, безуспешно пытаясь ее укротить. Чаще всего я собирала ее в пук на затылке и закрепляла с помощью карандаша. Мне нравился этот жест. Когда-то давно, еще девчонкой-подростком, я любила поднимать руками гриву своих непослушных волос, свернуть их, открыть шею и всей кожей ощутить вибрации свободы.

Я создала себе профиль на нескольких сайтах знакомств, позволив всем желающим любоваться моей шеей, бровями и моим небрежным шиньоном. Я специально указала, что меня интересуют кратковременные отношения. Предложения хлынули потоком. В основном от женатых мужчин, что окончательно убедило меня в неполноценности сильной половины человечества.

Единственным мужчиной, с которым у меня была длительная связь, стал биологический отец Луи. Наш бурный роман продолжался почти два года, но не имел продолжения. Он так никогда и не узнал, что у него есть сын, а я никогда не пыталась выяснить, как он теперь живет. Луи много раз выпрашивал меня об отце; мать тоже. Она выдвинула несколько серьезных гипотез, но я наотрез отказалась их подтверждать или опровергать. Мучительному треугольнику я предпочла простые отношения матери с сыном, решив, что неполная семья лучше заново отстроенной.

* * *

Вечером одиннадцатого дня меня пригласили на беседу с заведующим отделением, неким Александром Бограном, пользовавшимся в больнице всеобщей любовью. Зачесанная челка, неотразимая улыбка. В других обстоятельствах я бы, пожалуй, не отказалась от встречи с ним с глазу на глаз. Но он был настроен серьезно. Кроме того, обстановка, откровенно говоря, мало располагала к флирту. Я испугалась. Молча села на стул, глядя себе под ноги, руки со сжатыми кулаками сложила на коленях и плотно стиснула зубы. Я постаралась полностью от него закрыться.

Врач приступил к объяснениям. Говорил он медленно, подбирая каждое слово. Мой мир окончательно рухнул. Луи не проявлял никаких признаков пробуждения. Медики обеспокоены. Не уверена, что точно запомнила все прозвучавшие термины. Вроде бы Луи находился в состоянии, которое называют вегетативным. Что это означает? Что он дышит, что у него действуют некоторые рефлексы, а энцефалограмма показывает наличие энцефалопатии. Черт, вы можете выразаться яснее? Я начала терять спокойствие. Врач – нет. Наверное, привык к срывам доведенных до отчаяния родителей. Смысл его речи сводился к следующему: на энцефалограмме нет явных признаков смерти мозга, но активность нейронов хаотическая. Все очень серьезно. Прогноз под вопросом. Надо ждать.

Кажется, после этого я и заорала. Или это было раньше, когда он произнес слово, о котором я последние одиннадцать дней запрещала себе даже думать? Смерть. Луи мог умереть. Я спросила, сколько надо ждать. Он не ответил. Я задала тот же вопрос во второй и в третий раз, с каждым повтором повышая голос. Я задышалась, по лицу у меня текли слезы, я размазывала их по щекам и запускала руки в волосы, твердя, что этого не может быть. Я чувствовала, что теряю рассудок. Александр Богран стоял на своем: «Мне очень жаль, мадам, но на этот вопрос я вам ответить не могу». Я настаивала: он не имел права оставлять меня в неведении, он наверняка знал, сколько времени потребуется, чтобы понять, что с моим сыном. Нет, мы должны наблюдать за тем, как ведет себя его тело, а главное – его мозг. Как только появятся хоть какие-то изменения, мы сможем заново оценить ситуацию. А если ничего не произойдет? Если не будет

никаких изменений, сколько времени вам понадобится, чтобы заявить, что все, надежды нет? Отвечайте, черт вас дери! Ответьте, умоляю вас! Мне надо знать. Мне необходимо это знать.

Я это узнала. Снова села. Сердце разорвало в клочья. Александр Богран положил руку мне на плечо. Слез у меня не осталось. Месяц. Если через месяц состояние Луи будет прежним, перед врачами встанет вопрос о целесообразности продолжения лечения; не исключено, что они примут решение прекратить искусственно поддерживать жизнь моего сына. Если через месяц они придут к выводу, что надежды на восстановление функций мозга нет, то понапрасну его мучить они больше не станут, это было бы жестоко, бесчеловечно. Тогда они отключат его от аппаратуры. Месяц. Целый месяц. Всего лишь месяц. Но пока ничего еще не известно. Мужайтесь. Терпите. Я его поблагодарила. Он в последний раз поинтересовался, все ли со мной в порядке. Разумеется, ответила я.

* * *

Из больницы я вышла в состоянии невменяемости. И тут же услышала громкий свист, который узнала бы из тысячи. Это был резкий ковбойский посвист, каким пастух созывает стадо; я его терпеть не могла. Обернувшись, я ее увидела. Она стояла уперев руки в боки и сверлила меня взглядом. Моя мать. Только ее мне не хватало. Только не сегодня. Особенно не сегодня.

Я сделала вид, что не заметила ее, и ускорила шаг. Она издала еще с десятков коротких свистков, подзывая меня как собачонку. Я остановила такси и побыстрее забралась в салон с затемненными стеклами. Мать бросилась ко мне, на бегу размахивая руками (ей шестьдесят лет, и она здорова как бык). Я не знала, куда ехать, но возвращаться домой не хотела и назвала водителю адрес одного ресторана. Почему бы не отметить последний месяц жизни моего сына в шикарном заведении? В этот вечер мне пришлось впервые столкнуться с отказом официанта выполнить мой заказ. Когда я попросила принести мне третью бутылку безумно дорогого вина, меня вежливо попросили оплатить счет и освободить помещение. Мне это категорически не понравилось. Что там в точности произошло, я помню смутно: судя по всему, меня вывели из ресторана силой. Ужин не стоил мне ни гроша; они рассудили, что им выгоднее избавиться от пьянчужки, не требуя с нее денег, чем терпеть скандал в этом изысканно-уютном местечке.

Поймать такси до дома мне стоило великого труда. Машины останавливались возле меня одна за другой, но стоило водителю увидеть, в каком я состоянии, как он мгновенно давал по газам. Хорошо, что нашелся благородный рыцарь по имени Мамаду, который все-таки доставил меня домой. Высадив меня у подъезда, он спросил:

- Вы уверены, что с вами все хорошо, мадам?
- Разумеется, месье таксиводитель, у меня все отлично.

Машина уехала, я вошла в предбанник между уличной и внутренней дверью и рухнула на пол.

Глава 6

Не сдаваться

До конца срока 30 дней

Проснулась я в своей постели. Голова раскалывалась. По кусочку восстанавливая в памяти события вчерашнего вечера, я испытывала два противоречивых желания: то ли пойти проблеваться, то ли забиться в какую-нибудь мышиную нору. Меня грыз стыд. Я только надеялась, что меня не видел никто из соседей. Но тут до меня дошло, что я понятия не имею, как, черт возьми, добралась до своей квартиры. Последнее, что я помнила (хотя, признаюсь честно, это были весьма смутные воспоминания), это как я входила в подъезд. Я медленно встала в постели. Голова кружилась. Мне удалось сделать несколько шагов, выползти из спальни и добрести до гостиной.

Свист. Я вздрогнула и обернулась. Мама.

Она была в фартуке, в правой руке – шланг пылесоса, левая, сжатая в кулак, – на бедре. Ее фирменная поза, свидетельствующая о крайней степени нетерпения.

– Дочь моя! На кого ты похожа? На тебя смотреть страшно!

– Здравствуй, мама. Что ты здесь делаешь?

– Развлекаюсь, как видишь. Пытаюсь навести подобие порядка в этом свинарнике. Я понимаю, что тебе сейчас не до того, но не до такой же степени! Я уж собиралась звонить на телевидение, срочно вызывать двух подружек из передачи, которые показывают, как наводить чистоту в самых засранных квартирах.

Я огляделась. Она была права. Но я не могла сказать ей: «Ты права», – слова застряли бы у меня в глотке. Поэтому я молча плюхнулась на диван, взяла плед и закуталась в него с ног до головы.

– Кстати, можешь не искать свое винаще. Я его выбросила.

– Что-о?

– Я все выбросила.

– Мам, ты охренела? Это не винаще! Это хорошее вино, и я заплатила за него несколько сотен евро.

– Следи за выражениями, дорогая. Мне все равно, сколько ты за него заплатила. Больше так продолжаться не может. С этой минуты я беру контроль в свои руки.

– Нет, мама, ты не берешь контроль в свои руки. Ты оставляешь меня в покое. Если я время от времени позволяю себе выпить бутылочку вина, это мое дело. И в уборщицы я тебя не нанимала. Поэтому, пожалуйста, иди домой.

– Даже не думай. Никуда я не уйду.

– Ты что, надо мной смеешься?

– А что, похоже? Только мне, знаешь ли, не до веселья. Ты хоть понимаешь, как ты вчера рисковала? Ты так напилась, что кто угодно мог сделать с тобой что угодно. Водитель высадил тебя у подъезда, и ты отрубилась с ключами в руках. А если бы мимо проходил какой-нибудь псих? Одному богу известно, что могло бы произойти. Я весь вечер просидела в подъезде, на ступеньках, ждала тебя. Как побирושка. Хорошо еще, соседи меня узнали и не выставили вон. Я видела, как ты упала. Мне было больно на это смотреть. Мне больно смотреть, Тельма, во что ты превращаешься. Я уже несколько дней хожу за тобой по пятам. Я боюсь за тебя. Я же вижу, что ты гибнешь. Ты пьешь как сапожник и хуеешь на глазах. Я знаю, что ты целыми днями сидишь в больнице. Вначале я думала, что это хорошо, что ты молодец, что столько делаешь для сына. Но на кого ты стала похожа? Ведь это не только я замечаю. Чем ты поможешь Луи, если сама загнешься? Откуда он возьмет силы бороться, если ты махнула на себя рукой?

– Мама! Ты что, блин, еще не поняла, что он никогда не очнется? С чем я должна бороться? Я умею бороться, если знаю, кто мой враг. А здесь нет врага! Они отменили снотворные препараты, и ничего не произошло! Ничего, черт бы меня побрал! Понимаешь, что это значит? Если через месяц в его мозге не будет изменений, они его отключат. Просто выдернут вилку из розетки. И все кончится. Не останется ничего. Я по уши в этом ничто. Посмотри на меня. Знаешь, кто я? Нищенка, у которой больше нет ничего. Я сама – никто и ничто.

Мама подошла, села рядом со мной на диван и положила руку мне на плечо. Кажется, это был наш первый физический контакт за минувшие лет десять. Я инстинктивно дернулась, но не скинула ее руку.

– Неправда. Ты ошибаешься. Ты способна на большее, чем сама думаешь. Ты сейчас как слепая. Тебе надо выбраться из этой безнадежной спирали, в которую ты сама себя загнала. Я с тобой. Луи с тобой. Врачи тебя не обманывают. Если они продолжают наблюдать за нашим мальчиком, значит, у них есть надежда. Ты сильная, Тельма. Я давно тебе этого не говорила, но я тобой горжусь. Я горжусь той женщиной, какой ты стала.

– Бред собачий. Ты так не думаешь.

– А ну прекрати! Ты еще будешь за меня решать! Мне лучше знать, что я думаю и чего не думаю. Одним словом, так: я остаюсь у тебя.

Я подпрыгнула как ужаленная и вскочила с дивана:

– Об этом не может быть и речи!

– А я тебя и не спрашиваю. Пока ты спала, я сделала себе дубликаты ключей.

У меня не было сил с ней сражаться. Только не сейчас. Я плюнула и легла на диван. Мать встала и включила пылесос. Под его монотонное гудение я и уснула. Мне тоже было тринадцать лет. И у меня страшно болела голова...

* * *

Это был первый день, когда я не пошла в больницу к Луи. Я проспала до самого вечера. Когда я проснулась, мать хлопотала на кухне, с которой плыли знакомые запахи. Запахи Юга.

Мама родилась на юго-востоке Франции, и, хотя мы перебрались в Париж, на каникулы часто ездили в департамент Вар, в гости к тете Одилии, – она умерла пять лет назад. Одетта и Одилия – это ж надо было дать дочерям такие имена! Бездна воображения, ничего не скажешь. Но они и правда были очень близки – не просто сестры, а близнецы. Я обожала свою тетю, которая потрясающе готовила. Вечером Четырнадцатого июля, поужинав овощным супом с базиликом, мы шли из старой части Йера в центр города смотреть фейерверк и наслаждаться всякой вкуснятиной. Я тогда была по-настоящему счастлива. И сейчас поняла, чего добивалась сегодня вечером моя мать. Аромат супа с базиликом я узнала бы из тысячи других ароматов. Вообще-то это летнее блюдо, а на календаре было 19 января. Ну и плевать. Как ни странно, я зверски проголодалась.

Я сразу заметила, что в квартире чисто. Мать никогда не была фанаткой домашней уборки, и я заподозрила, что она вызвала Франсуазу – женщину, которую я время от времени приглашала помочь мне по хозяйству. Но я не стала ничего говорить. Села за кухонную стойку. Две тарелки, два стакана. Значит, я буду ужинать с матерью. Еще несколько дней назад подобная перспектива показалась бы мне ужасной. Но моя жизнь и так перевернулась с ног на голову, так имело ли смысл цепляться к еще одной нелепости? Мать улыбнулась и спросила, хорошо ли я выспалась. Ее вопрос, как и дурманящий запах базилика, отбросили меня на тридцать лет назад. Мадленка Пруста немедленного действия. Мне вспомнилось, как я сидела у нас на кухне в квартире на Бют-о-Кай перед чашкой горячего шоколада и мать с привычной улыбкой спрашивала меня: «Как мой теплый котенок, хорошо выспался?» Мать всегда называла меня теплым котенком. Я уже целую вечность не слышала этих слов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.